

ПУБЛИЧНОСТЬ ВЛАСТИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ТИПОЛОГИЯ ФОРМ/ВИДОВ

В. СОГОМОНЯН

SUMMARY

In the present article the author, disclosing the essence of the notion «public authorities», gives its two original definitions, analyzing on the concrete examples the forms and types of public authority.

* * *

В публикуемой статье автор, раскрывая сущность понятия «публичная власть», дает два его оригинальных определения, на конкретных примерах анализирует формы и виды публичной власти.

Всовременной политической и политологической лексике понятие «публичность власти» имеет относительно конкретное употребление; за ним закрепились две постоянные дескрипции.

1. «Публичность власти» определяется как *транспарентность и гласность деятельности власти* в совокупности этих состояний, как *открытость власти с наличием реальной возможности участия граждан в управлении государством*. Украинский политолог Виктор Степаненко в статье «Политическая публичность в трансформации: дискурсы, символизации и практики в Украине в 2000-х гг.» точно формулирует эти определения публичности [1]: «1) как открытость функционирования властной бюрократии и государственных институтов, прозрачность принятия ими политических решений и подотчетность властных институтов гражданам и 2) участие граждан в формировании политической повестки дня и властных решений, в частности посредством таких практик и процедур, как дебаты, обсуждения и комментарии общественно-значимых вопросов в прессе, функционирование и представительство института общественного мнения при достаточном уровне развития конструктивного социального критicismа, общественные инициативы, движения и манифестации, цивилизованный лоббизм различных групп интересов и другие практики» [2].

2. Под «публичностью власти» понимается периодическое совершение властью открытых перед общественностью действий, материализующееся через взаимодействие с масс-медиа; в итоге – субъектное/объектное фигурирование власти в СМИ, «медийность власти», уровень которой можно измерить при помощи конкретного статистического индикатора – количеству упоминаний в масс-медиа [3].

В первом приближении, эти определения как нельзя лучше подходят для объяснения понятия «публичности власти». Что же еще называть «публичностью», если не открытость, гласность, постоянную транспарентную деятельность и медийность власти? Однако, более детальное рассмотрение этих определений, как и факта их совместного процессирования в отношении к одному и тому же понятию, выявляет целый ряд сомнений.

1. В первую очередь следует заметить, что оба определения лишены *уникальности означающего*: в обоих слу-

чаях термин «публичность» без труда может быть заменен иными терминами, к стати – во многом более точными. В первом случае это может быть термин «транспарентность», или «гласность», во втором, как и было указано – «медийность». Как кажется, применение здесь термина «публичность» сильно расширяет круг явлений, к которым может относиться означенное: все равно, если рассказывая о встрече с преподавателем университета говорить о встрече с представителем Человечества.

2. О первом определении. Если допустить, что термин «публичность» все же может быть использован для обозначения транспарентности и гласности деятельности власти, то первое определение сохранит свою истинность только в применении к демократическому режиму и не может быть применено к любой другой власти. Трудно представить себе авторитарную или тоталитарную власть, к которой хотя бы одна из приведенных дескрипций этого определения может иметь реальное отношение. Это определение более обращено к *описанию признака политической системы*. Здесь очевидно акцентирование самой системы транспарентного управления, в которой власть вынуждена действовать согласно определенным правилам и традициям т.н. «публичности». Именно поэтому, здесь наблюдается практически полное совпадение дескрипций с хрестоматийными определениями демократии: «Демократия в современном смысле этого понятия означает формально равное участие полноправных граждан в формировании и осуществлении государственной власти. Принцип демократии — это формальное равенство в политике, формальное равенство политических идеологий и объединений, партий, формально равная для всех субъектов государственно-правового общения возможность участвовать в формировании государственной воли. Признаком современной демократии прежде всего являются политические свободы — идеологический и политический плюрализм, многопартийность, свобода выражения мнений, свобода средств массовой информации, свободы объединений, собраний и манифестаций, всеобщее и равное избирательное право, право петиций» [4]. «В условиях демократии правительство должно быть прозрачным в той степени, в которой это возможно — то есть, результаты его обсуждений и решения должны быть

открыты для народа... Граждане имеют право знать, на что расходуются их налоги, является ли отправление правосудия эффективным и законным, и насколько ответственно подходят к выполнению своих обязанностей избранные ими представители. Способы распространения такой информации в разных странах отличаются, но ни одно демократическое правительство не может функционировать в обстановке отсутствия гласности» [5]. Кроме того, в контексте фактически наблюдаемого совместного, синтезированного процессирования первого определения со вторым, автоматически выводимое из первого суждение о том, что *публичность есть исключительный признак демократической власти*, становится ложным. Медийность власти, вновь интерпретируемая как «публичность власти», с учетом того, что единичей медийности считается любой вид фигурирования представителей власти в масс-медиа вне зависимости от содержательного наполнения, фактора субъектности-объектности представительства и др., может наблюдаться при любом политическом режиме. Так, известно, что в Советском Союзе центральное телевидение и пресса в обязательном порядке передавали официальные сообщения о заседаниях фактического высшего органа власти – Политбюро ЦК КПСС, о принятых им решениях и постановлениях, а все руководители Советского государства постоянно фигурировали в масс-медиа. Таким образом, эти два определения по сути взаимоисключают друг друга в плане абсолютной отнесенности к одному и тому же понятию.

3. Если условно допустить не синтезированное и пересекающееся, а параллельное функционирование этих интерпретаций в их различающихся смыслах но с одним и тем же означенным (что для политологического понятия выглядит, как минимум, необычно) и определять «публичность власти» одновременно или избирательно как транспарентность и/или как медийность, то, так или иначе, существующий «системный» конфликт между рассматриваемыми определениями преодолен не будет. Дело в том, что хоть оба определения и совпадают в плане указывания на *способы деятельности власти* в публичном пространстве, но в них заложено кардинально иное понимание отношения власти к этому пространству и действий в нем. В одном случае это создание или сохранение *своего* пространства открытости и его практически

полного отождествления с уже объективно существующим публичным пространством, подчинением ему; в другом – периодический, но временный выход из *своего* закрытого пространства и *волевое периодическое участие* в объективно существующем публичном пространстве. Здесь, конечно же, налицо принципиальная разница: одно дело жить в доме со стеклянными незанавешенными стенами и постоянно открытыми дверьми (открытость функционирования властной бюрократии и государственных институтов, прозрачность принятия ими политических решений, подотчетность властных институтов гражданам и др.), где протяженность «публичности» имеет признак бесконечности, другое дело, руководствуясь собственными решениями или политической необходимостью, проводить часть жизни на тротуаре перед домом (периодическое совершение властью открытых перед общественностью действий).

Следовательно, «публичность власти» нужно определять как комплекс тех действий власти, которые осуществляются в рамках следующих двух процессов:

1. перманентного информативного процесса распространения кодов управления, то есть – процесса распространения всеобщих приказов. На лингвистическом уровне – это процесс оперирования перформативами, реализация которых имеет смысл и возможна лишь в полностью открытом публичном пространстве. В итоге, это комплекс необходимых для осуществления управления государством речевых действий власти, которые для достижения цели должны совершаться открыто, публично;

2. процесса совершения ритуальных и церемониальных действий, которые имеют целью создание или подтверждение легитимности/экзистенции власти.

Теперь обратимся к *формам и видам* реализации публичности власти; исследовав и классифицировав их, мы сможем обратиться в дальнейшем к рассмотрению во многом более сложного явления *концепции реализации императива*.

Формы публичности власти

1. Властный императив имеет материальную форму выражения, которая в своих трех трихотомиях идентична формам «обычной» коммуникации – письменной речи, устной речи и языку жестов. В случае публичности власти это:

а/ форма письменной речи – графического, письменного документа, содержащего текст приказа или выступления носителя власти; б/ форма устной речи – устного выступления носителя власти, обращенного к той или иной аудитории; в/ форма визуализации, жестов – отправляемого властью ритуала.

2. Вербальный характер публичности (можно даже сказать *исключительно вербальный*, если учесть, что при отправлении ритуалов власть вновь оперирует текстами) однозначно позволяет рассматривать целостность публичности власти в совокупности подавляющего большинства возможных проявлений в качестве некоего набора единиц коммуникации, прежде всего – текстов. «Слова и власть

тесно связаны между собой, поскольку показатели власти во многом носят вербальный характер (приказание – выполнение приказа, предложение – одобрение, и т.п.)» [6]. Как точно определяет Никлас Луман, «власть есть управляемая кодом коммуникация» [7]. Если представить, например, подведение итогов деятельности какой-либо власти с направленностью на выведение тех или иных закономерностей ее законченного во времени функционирования (то, что является предметом политической истории), то этот процесс будет представлять из себя именно анализ единиц коммуникации власть-подданные в виде различных общедоступных текстов в форме приказов, распоряжений и различного рода выступлений. При этом репертуар форм этих текстов в силу известных объективных причин достаточно ограничен; приведенный выше список можно с уверенностью считать завершенным. В итоге, публичность власти, в целостности ее материального выражения, следует рассматривать как некий набор текстов, имеющих строго определенные (три) формы, которые хоть и могут подвергаться некоторым метаморфозам, но в целом сохраняют свои фиксированные контуры.

3. Семиосоциопсихология изучает текст не как единицу языка, а как знак коммуникации, коммуникативную единицу наиболее высокого порядка, «являющую собой не только продукт, но также и образ и объект мотивированной и целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности» [8]. Детерминация текста как знака коммуникации подробно исследована и в лингвистике, в частности в трудах Чарльза Пирса. Рассматривая текст как репрезентанта (означающее), Пирс отмечает его полифункциональность с точки зрения отношения к объекту (референту). Текст может выступать и как символ, и как индекс, и как иконический знак. Если доминирует его апеллятивная функция (в случае инструкции, приказа или вопроса) или репрезентативная функция (текст указывает на некоторую конкретную действительность), то текст – в первую очередь знак-индекс. Такое преобладание индексальности наблюдается в драме и в реалистической литературе. В качестве иконического знака текст выступает, например, в визуальной поэзии. Тексты, в которых последовательность знаков соответствует хронологии репрезентируемых событий (*ordo naturalis*), представляют собой диаграмматический знак-индекс (пример Якобсона: слова Цезаря «пришел, увидел, победил») [9]. Однако, как отмечает Пирс, в качестве языкового знака текст – это прежде всего символ [10]. Это утверждение Пирса в контексте предметной темы кажется наиболее важным.

Известно, что знак-символ образует отношение между означающим и означаемым на основе предписанной, *конвенциональной*, условной смежности. С первого взгляда, форма императива в момент абсолютного функционирования должна обнаруживать такую смежность исключительно с самим императивом

как онтологическим фактом по простой логике: *актуализация формы императива означает наступающий акт приказа*. Иначе говоря, если глава государства собирается выступать, то он будет приказывать. Однако это лишь *постоянный*, либо *пассивный референт* формы реализации публичности; не следует забывать, что речь идет о вербальных действиях, содержательным смыслом которых *так или иначе* является приказ вне зависимости от способа или вида его реализации. Ведь вместе с определением «языка» власти как набора перформативов, мы сталкиваемся не с репертуаром символов (Эко) или пар означающих/означаемых, как в обычном языке, а с одним-единственным мега-означаемым, универсальным для всех означающих этого языка – с императивом, с приказом. Точно так же, увидев какую-либо книгу, еще до ознакомления с ее названием или содержанием, мы можем с уверенностью говорить, что имеем дело с *письменностью*; это постоянный референт формы-книги. Любое речевое «произведение» власти в границах осуществления публичности так или иначе сводится к приказам, будь то прямым, латентным, дискурсивным, побудительным и др.

Другое дело, что та же форма книги (фолиант, альбом, брошюра и т.д.) может более или менее определенно указывать на *вид* письменности: обширное произведение, иллюстрированный текст, фрагмент творчества и др. Это уже ее *актуальный референт*. По той же аналогии, формы-тексты императива, функционируя в самом моменте «рождения» акта публичности абсолютно (т.е. до перехода к содержанию, безотносительно к нему; это несколько мгновений эксклюзивного функционирования формы) [11], со временем конвенционально приобретают (скорее – уже приобрели) характеристики относительно самостоятельных символических знаков, которые «не только «замещают» реальные объекты, но и задают программу деятельности и поведения своим истолкователям. Иными словами, эти знаки не просто ментальны – они коммуникативны по своей природе и функции» [12]. В данном контексте форма императивного текста имеет особую значимость: помимо того, что здесь «форма, обьямая содержание извне, овнешняет его, то есть воплощает» [13], она – что важнее – «указывает на различие данного содержания от всего иного» [14], то есть, в данном случае, указывает на некоторые *характеристики* приказа, отличающие его от всех других *заранее, до ознакомления с гипотетическим смыслом*. Таким образом, форма приказа, в контексте традиционности восприятия жизненного мира (Хабермас) адресантами и адресатами, их общего опыта, конвенциональности относительно существующего подобия, еще и (в границах некоторой нормы) может указывать на вид приказа как на *актуальный референт*; форма императива – это *ожидание вида приказа*, наполняющееся – благодаря известным из опыта особенностям формы – относительно точным предвосхищением его общей сущности.

Исходя из сказанного, можно с уверенностью рассматривать заключенный в одну из трех форм текст публичности как содержательный знак коммуникации власть-подданные, знак-символ, способный иметь самостоятельную семантическую нагрузку и успешно достигать первой части коммуникативной цели публичности – обозначить общий характер события, задать его модус. Так, увидев в выпуске телевизионных новостей на некоем иностранном языке, которым мы не владеем, выступление главы иностранного государства в местном парламенте, мы, тем не менее, можем с большей или меньшей точностью определить, что он выступает с речью, в которой затрагивает более или менее важные вопросы политики, иначе он не стал бы выступать перед народными представителями (или не стал бы выступать вообще). Если мы знаем, что недавно в этом государстве прошли выборы, то сможем предположить, что носитель власти выступает с программной речью или же, подметив некоторые элементы специального церемониала (он облачен в специальную мантию, у него на груди президентский знак и т.д.), предположить прощесирование инаугурации и, соответственно, инаугурационного выступления. Таким же образом, сама форма телевыступления главы государства, которое прерывает запланированные эфирные передачи в поздний час, может однозначно указывать на грядущее сообщение о чем-то экстраординарном, например – о военной агрессии и приказе о всеобщей мобилизации; вряд ли носитель власти станет обращаться к подданным в это время и в этой форме, чтобы сообщить, что решил назначить нового министра финансов.

Таким образом,

а/ публичность власти имеет три материальные формы реализации, идентичные формам обычной коммуникации; б/ формы реализации публичности представляют из себя тексты-знаки, которые в абсолютном функционировании выступают в качестве знаков-символов; в/ референтом абсолютно функционирующих форм-знаков (текстов) императива является не только сам приказ, но и его некоторые характеристики или – его виды, что создает некоторую функциональную «прикрепленность» отдельных форм публичности к отдельным видам публичности; г/ форма текстов публичности власти, функционируя в пределах указанных выше условий, есть не что иное, как метакоммуникация (Бейтсон), которая задает модус наступающему моменту коммуникации.

Виды публичности власти

Базовая дескрипция понятия «публичность власти» (комплекс обязательств действий власти, которые осуществляются в рамках двух основных процессов – публичного распространения всеобщих приказов и публичного совершения ритуальных и церемониальных действий) может служить в качестве твердой основы для выведения типологии видов публичности власти. Здесь можно однозначно указывать на следующие виды:

1. *Прямое приказывание*, материализующееся путем распространения письменных или устных приказов, тексты которых оформляются при помощи *прямых перформативов* и не содержат контекстуальных оболочек, в которых некоторым образом «спрятан» приказ. Это наиболее простой вид приказывания, как правило реализующийся в форме *письменного документа или выступления носителя власти*. Здесь главой государства или его официальным представителем отдаются прямые приказы, распоряжения, вводятся запреты, ограничения, устанавливаются ответственные за выполнение приказа, иногда – определяется способ и мера наказания за невыполнение приказа и др. В качестве примера приведем текст указа президента Республики Беларусь «О дополнительных мерах по упорядочению использования слов «национальный» и «белорусский»: «1. Установить (все курсивы цитат мои – В.С.), что: 1.1. *правом* на использование в наименованиях (рекламных документах или рекламных материалах): 1.1.1. слова «национальный» *обладают*: государственные органы и иные организации, имущество которых находится в республиканской собственности; средства массовой информации, учредителями которых выступают государственные органы; иные юридические лица в случаях, предусмотренных законодательными актами; 1.1.2. слова «белорусский» *обладают*: государственные органы и иные организации, имущество которых находится в республиканской собственности; политические партии, их союзы (ассоциации); республиканские общественные объединения, республиканские союзы (ассоциации) общественных объединений; республиканские государственные общественные объединения, их союзы (ассоциации); республиканские профессиональные союзы, их союзы (ассоциации); банки; средства массовой информации, учредителями которых выступают государственные органы; иные юридические лица в случаях, предусмотренных законодательными актами; 1.2. *порядок присвоения, периодического подтверждения, лишения статуса «национальный» и особенности правового положения музеев, театрално-зрелищных учреждений и профессиональных коллективов художественного творчества с таким статусом определяются* Президентом Республики Беларусь; 1.3. при создании Президентом Республики Беларусь или Советом Министров Республики Беларусь советов, комиссий и иных консультативно-совещательных органов в их наименованиях *могут использоваться* слова «национальный» или «белорусский». 2. Организации и средства массовой информации, названия которых не соответствуют требованиям подпункта 1.1 пункта 1 настоящего Указа, *подлежат перерегистрации* в трехмесячный срок. При этом *плата* за перерегистрацию (регистрационный сбор) *не взимается*. *Деятельность* организаций и средств массовой информации, не прошедших перерегистрации согласно части первой настоящего пункта, *является незаконной и запрещается*. 3. *Совету*

Министров Республики Беларусь *обеспечить* приведение актов законодательства в соответствие с настоящим Указом и принять иные меры по его реализации. 4. *Контроль* за выполнением данного Указа *возложить* на Комитет государственного контроля. 5. Настоящий *Указ вступает в силу* со дня его официального опубликования. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко» [15].

Как видно из приведенного примера, во всем тексте, бесспорно обладающим всеми признаками «приказного», ни разу не употреблен перформатив («приказываю») (или «постановляю»). Однако смысл всего текста, так или иначе сводящийся к отдаванию прямых приказов, определяется именно благодаря этому, опущенному в данной синтаксической конструкции (на его существование однозначно указывает слово «установить»), перформативу: *приказываю установить, что правом обладают; приказываю установить, что организации и средства массовой информации подлежат; приказываю установить, что деятельность запрещается* и т.д. Игнорирование основного перформатива управления в приказном тексте не является нормой, как и, впрочем, не есть отклонение от нее; здесь можно говорить лишь о разных традициях официального письма в разных странах или же стиле «указотворчества» той или иной власти. Так или иначе, данный вид публичности остается прямо-перформативным.

2. *Латентное приказывание*, материализующееся путем условного диалога подданных и носителей власти. Здесь, при помощи специально конструируемой ситуации, инсценируется диалог, идентифицирующий присутствующими именно как таковой, однако право речи принадлежит лишь одному участнику этой «сцены» диалога. Эти тексты публичного императива содержат приказы (*косвенный императив*), облаченные в иные, не всегда присущие приказному тексту, формы. Наиболее распространены формами для реализации этого вида императива являются формы *политической речи* или *протокольного выступления*. В качестве примера приведем текст выступления президента РФ В. Путина на праздновании Дня защитника отечества 22 февраля 2002 года: «Товарищи офицеры и генералы! Солдаты России! Дорогие ветераны, друзья! Позвольте поздравить вас с наступающим праздником Днем защитника Отечества. Праздник российской армии давно стал всенародным. Отныне в соответствии с законом – официальным государственным праздником. Это еще одно подтверждение глубокого уважения государства к своей армии, признание особого значения офицерского труда и солдатской службы. Почти в каждой российской семье были или есть те, кто защищал или защищает Родину. Выбор армейской судьбы – это выбор тяжелой работы, постоянного риска, а сегодня, к сожалению, часто – и готовности пожертвовать даже своей жизнью. Офицер в России всегда был и символом мощи страны, и образцом личной чести. Во все времена наши военные отличались дерзостью быть первыми. И

не только в воинских победах: история страны знает немало примеров в области культуры, науки, инженерной мысли, образования. Среди военных были и авторы великих географических открытий, дипломаты, ученые, всемирно известные писатели - достаточно вспомнить только такие имена, как Лермонтов, Толстой, Даль, Крузенштерн, Пржевальский и многих, многих других. В российскую армию испокон веков шла элита общества, ее самая образованная часть. Это был костяк интеллигенции. И эта особенность исторически отличала российское офицерство, выделяла его среди армий других государств. Сейчас, когда продолжается военная реформа, мы обязаны помнить об этом, дорожить этими традициями, развивать их в молодом поколении наших воинов. Уважаемые друзья! В России всегда было, что защищать: необъятные просторы и огромные ресурсы - все это часто привлекало в разные периоды истории и искушало агрессоров. Но неизменно они получали отпор защитников России. Нам и сегодня нужен надежный национальный щит, нужна армия, отвечающая требованиям сегодняшнего времени. Мы обязаны обновлять и укреплять вооруженные силы, флот. Повышать их техническое оснащение, стратегические возможности. В современных условиях военную силу определяет не столько число единиц оружия, сколько профессионализм армейских кадров. И речь - не только о высоком уровне боевой подготовки, но и о внутренней дисциплине, верности служебному долгу. Речь - о состоянии духа личного состава. Конечно, все это в первую очередь зависит от отношения самого государства к защитникам Родины, от социального самочувствия военнослужащих. Но успех армейской реформы гарантирован только тогда, когда офицер дорожит своей службой и уважает свою профессию. Дорогие друзья! Праздник у нас и всенародный, и общегосударственный, он касается всех граждан России. Но так у нас сложилось исторически, что 23 февраля прежде всего каждый мужчина принимает поздравления. И принимает по праву: на его плечах мир и покой родного дома. Женщина видит в нем и своего собственного защитника, и защитника своих детей. И потому быть хорошим воином - это еще и быть настоящим мужчиной. *Надо поклониться российским матерям, которые воспитывают солдат и настоящих мужчин. Тем, кто, провожая в армию сыновей, уверен в правильности сделанного ими выбора.* Нам, конечно, придется еще немало сделать, чтобы военная служба стала по-настоящему престижной, чтобы юноши с желанием шли в армию и достойно служили, а мальчишки мечтали о военной форме. Но наша армия всегда была и будет сильна любовью к своей Родине, ответственностью за нее и гордостью военных за свою профессию. Еще раз примите, пожалуйста, самые искренние поздравления с праздником» [16].

Не составляет особого труда определить те приказы, которые отдаются; некоторые из них уже выделены курсивом. Кстати, так же легко переформулировать их в

прямые приказы, которые гипотетически могли бы быть отданы в качестве поручений отдельным ведомствам: *помнить и дорожить традициями* - ввести (расширить) преподавание военной истории для офицеров (всего личного состава); *обновлять и укреплять вооруженные силы, флот. Повышать их техническое оснащение, стратегические возможности* - увеличить бюджетные расходы на модернизацию Вооруженных Сил; *надо поклониться российским матерям, которые воспитывают солдат и настоящих мужчин. Тем, кто, провожая в армию сыновей, уверен в правильности сделанного ими выбора. Нам, конечно, придется еще немало сделать, чтобы военная служба стала по-настоящему престижной* - проявлять особое внимание семьям военнослужащих, проводить разъяснительную работу среди населения, усилить пропаганду в данном направлении; *важным элементом вашей службы остается охрана общественного порядка.* Что касается т.н. «всеобщих» приказов, направленных не руководителям отдельных ведомств, а всем подданным государства, то здесь можно однозначно выделить следующие: считать службу в армии долгом каждого мужчины, его важнейшим делом; служба в армии будет приветствоваться и поощряться и т.п.

3. *Ритуальное приказывание*, материализующееся в ритуальной ситуации, ритуальном микромире, где в течение определенного отрезка времени пребывают подданные власти и в рамках которого властью отдаются приказы (как правило - вновь в форме выступления, устной речи носителя власти), направленные как бы на правильное и успешное совершение самого ритуала. Фраза «Встать, суд идет!» является, пожалуй, наилучшим примером такого приказа, так как здесь мы имеем дело со своего рода прямым опубликованием, проще говоря - озвучиванием императива в ритуальной ситуации. В некоторых случаях, которые также можно определять как ритуальное приказывание, императив даже не озвучивается, однако исполняется в силу установившейся традиции: подданные того или иного государства, идентифицируя ритуальную ситуацию, без какого-либо приказа встают, например, при исполнении национального гимна, появлению главы государства и др. - сам ритуал в целом становится перформативом. Назовем этот вид публичности условным *перформативом*, имея ввиду условность действий в момент процессирования ритуала как тех, кто отдает приказы, так и тех, кто их исполняет.

Интересно рассмотреть более развернутые во времени государственные ритуалы, например - инаугурацию главы государства. В «Википедии» инаугурация президента Французской Республики описывается следующим образом: «Инаугурация проходит по тщательно выверенному ритуалу: покидающий пост президента встречает преемника на ступенях резиденции главы государства. Затем они на полчаса уединяются в кабинете президента, где новому французскому лидеру передаются основные dossier, а

также коды от ядерного оружия. После этого новый президент провожает ставшего обычным гражданином предшественника, который покинет Елисейский дворец. В Зале торжеств начинается церемония инаугурации нового президента. Председатель Конституционного совета оглашает результаты выборов и официально объявляет нового президента республики. Новый президент принимает цепь Великого магистра Ордена Почётного легиона и произносит первую речь в качестве главы государства. Затем он производит смотр республиканской гвардии и выслушивает «Марсельезу». Пушки, установленные в комплексе Дома Инвалидов, отмечают инаугурацию 21 торжественным залпом. В открытой автомашине с конным эскортом новоизбранный президент проезжает по Елисейским полям к Триумфальной арке, где зажигает вечный огонь и возлагает венок к могиле Неизвестного солдата» [17] и т.д. Просто представить, сколько ритуальных приказов должны выполнять подданные французского государства и гости, участвующие в отправлении этого ритуала.

Литература

1. См. также статью В. Степаненко «Публичность власти, или Как усмирить революционного джинна?». Украинская ежедневная газета «День». Гиперссылка: <http://www.day.kiev.ua/134935/>
2. Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. Сборник научных трудов под редакцией М. Соколовой, В. Фурса. - Вильнюс: ЕГУ, 2008. с. 57
3. См. рейтинг публичности российской власти журнала «Ъ-Власть».
4. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. академика РАН, д. ю. и., проф. В. С. Нерсесянца. - М.: «Норма», 2004. с. 609
5. Юрอฟски А., Мелвин И. Право граждан на получение информации: «прозрачность» деятельности государственных органов. Официальный сайт Бюро международных информационных программ (БМИП) Государственного департамента США. Гиперссылка: <http://www.infousa.ru/government/dmpaper1.htm>
6. Лассвелл Г. Язык власти. Журнал «Политическая лингвистика». - Екатеринбург, 2006. #20, с. 264
7. Луман Н. Власть. - М.: Праксис, 2001. с. 29
8. Костюк В.В. Анализ документов и текстов. Курс лекций. Цитируется по сайту факультета философии и социальных наук Белорусского Государственного Университета, гиперссылка: http://www.fisn.bsu.by/infocom/kostuk/document_analysis/lectures.html
9. см. Нёт В. Чарлз Сандерс Пирс. Журнал «Критика и семиотика». - Новосибирск, 2001. # 3/4, с. 5-32
10. см. там же, с. 28
11. Переход к содержанию меняет характер формы-знака: перед нами выступает уже знак-индекс.
12. Адамьянц Т.З. Семиосоциопсихология. Электронная Энциклопедия социологии. Цитируется по одноименному сайту, гиперссылка: http://slovart.yandex.ru/энциклопедия_социологии/семиосоциопсихология
13. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М.: Наука, 1975. с.55
14. Лотман Ю.М. Об искусстве: структура художественного текста. // Семиотика, кино и киноэстетика. - С.-Пб.: Искусство, 1998. с. 257
15. Указ Президента Республики Беларусь № 247 от 31 мая 2005 г. Цитируется по официальному сайту Президента Республики Беларусь. Гиперссылка: <http://www.president.gov.by/press11427.html#doc>
16. Цитируется по сайту «Официальное интернет-представительство президента России». Гиперссылка: <http://2002.kremlin.ru/events/465.html>
17. Материал из «Википедии» - свободной энциклопедии. Статья «Президент Франции». Гиперссылка: ru.wikipedia.org/wiki/Президент_Франции